

BEHAVIORAL MODELS OF POPULATION INHABITING THE FORTRESSES IN THE SOUTH OF RUSSIA IN THE 17th CENTURY (AS DOCUMENTED IN VORONEZHSKY, KOZLOVSKY AND TAMBOVSKY COUNTIES)

Denis A. Lyapin (a), Yuri A. Mizis (b)

(a) Bunin Yelets State University. Yelets, Russia. Email: [lyapin-denis\[at\]yandex.ru](mailto:lyapin-denis[at]yandex.ru)

(b) Derzhavin Tambov State University | Bunin Yelets State University. Yelets, Russia.
Email: [ymizis49\[at\]yandex.ru](mailto:ymizis49[at]yandex.ru)

Abstract

The article discusses the process of formation of the main behavioral patterns of the population of the southern counties during the period of the settlement in and development of the South of Russia in the 17th century. The authors analyze the behavior of migrants to the steppe periphery of the country, on the basis of large archival source. An important place in the development of steppe territories was occupied by fortresses, which were military, political and religious centers for the counties. The strong influence of collectivist principles is noted in the article. Particular attention is paid to studying the dynamics of changes in the social environment in the South of Russia, the formation of property stratification, the emergence of individualism. It is argued in the paper that social changes were associated with shifts in the behavioral models of the inhabitants of the fortresses: if at the early stage of its existence the population of the towns consisted of a single mass of the servicemen, then the second half of the 17th century is characterized by a gradual destruction of social cohesion. The behavioral models of servants and townspeople were determined by the desire for personal gain, material wealth, and individual benefits. This was due to the increase in the number and importance of townspeople, whose lives were a constant competition. Discovered shifts of behavioral patterns are indicative of important changes in society.

Keywords

---

frontier; fortress; governors; service people; townspeople; behavioral models; everyday life; colonization; South of Russia; Belgorod table; community; Central Black Earth Region

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ МОДЕЛИ НАСЕЛЕНИЯ КРЕПОСТЕЙ ЮГА РОССИИ В XVII В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОРОНЕЖСКОГО, КОЗЛОВСКОГО И ТАМБОВСКОГО УЕЗДОВ)

Ляпин Денис Александрович (а), Мизис Юрий Александрович (б)

(а) Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина. Елец, Россия.
Email: lyapin-denis@yandex.ru

(б) Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина | Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина. Елец, Россия. Email: ymizis49@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается процесс формирования основных поведенческих моделей населения в период активного заселения и освоения Юга России во второй половине XVII в. На большом архивном материале авторы анализируют поведение переселенцев на степной окраине страны. Важное место в процессе освоения степных территорий занимал город-крепость, являвшийся военным, политическим и духовным центром уезда. Отмечается сильное влияние коллективистских начал в служилой среде, связанных с необходимостью общественных работ по сооружению укреплений крепости, строительства полевых укреплений, отражением набегов кочевников. Особое внимание в статье уделяется исследованию динамики изменений социальной среды на юге России, а также формированию имущественного расслоения, зарождению индивидуалистических настроений, которые приводили к внутренним конфликтам и противоречиям. В статье показано, что социальные изменения были связаны с переменами в поведенческих моделях жителей крепости: если на раннем этапе своего существования население крепости состояло из единой массы служилого населения, то вторая половина XVII в. характеризуется постепенным разрушением социального единства. Поведенческие модели служилых и посадских людей под воздействием новых реалий определялись стремлением к личной выгоде, материальному достатку, индивидуальным благам. Отчасти это было связано с увеличением численности населения и ростом конкуренции внутри местного общества. Изменение поведенческих моделей жителей крепости наглядно демонстрирует нам важные перемены, которые происходили в социальной истории Юга России на протяжении всего XVII века.

Ключевые слова

фронт; крепость; воеводы; служилые люди; посадские люди; поведенческие модели; повседневная жизнь; колонизация; Юг России; Белгородский стол; община; Центральное Черноземье

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Изучение поведения различных категорий населения в контексте развития пограничной (фронтирной) территории является особенно актуальным, так как позволяет увидеть изменения, происходящие в социальной истории конкретного региона (Репина, 2009, с. 23). Основные поведенческие модели человека отражают присущие ему ценностные ориентиры, мировоззрение и мировосприятие, а анализ изменений в системе этих категорий может дать важный материал для понимания общих тенденций развития государства.

Цель нашей статьи – показать изменения поведенческих моделей населения Юга России в XVII в. в контексте социальных процессов, происходивших во фронтирной зоне. Под понятием «Юг России» мы подразумеваем обширный регион, находящийся сегодня на большей части территории Центрального Черноземья, являвшийся в то время южной окраиной европейской части страны.

Исследованию форм поведения населения, применительно к истории России периода раннего Нового времени, посвящено несколько работ. Мы можем отметить книгу Н.Ш. Коллманн о практике защиты чести служилых людей в «Московии» (Коллманн, 2001; Коллманн, 2016).

Большой интерес представляет книга В. Кивельсон об особенностях поведения русской провинциальной аристократии во второй половине XVII в. Автору удалось показать общность интересов элиты уездных служилых корпораций и правящей группы, сплотившейся вокруг царя Алексея Михайловича (Kivelson, 1996)

Особенности менталитета русского человека в Сибири рассмотрели Д.Я. Резун и М.В. Шиловский (Резун, Шиловский, 2005). Они обратили внимание на такие качества первооткрывателей новых земель России в XVI – XVII в. как сильное развитие индивидуалистических наклонностей, что роднит их с американским фронтиром, свободолюбие, предприимчивость и в то же время «артельность».

НАСЕЛЕНИЕ КРЕПОСТЕЙ ЮГА РОССИИ: АНАЛИЗ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ

Как видим, историки обращались в основном к изучению действий русской элиты или поступков мятежников. В центре нашего внимания будут находиться жители фронтирной территории в их обыденной жизни. Территория южнорусского фронтира постоянно расширялась с XVI в. Новые крепости, появившиеся в этот период

на южной границе, после строительства Белгородской черты превратились во второй эшелон фронтирных территорий (Жиров, 2019а; Жиров 2019б; Камараули, 2018; Мизис & Папков, 2016; Ляпин, 2014). В этих крепостях преобладали служилые люди разных категорий, которые на протяжении первой половины XVII в. продолжали нести «вахтовую» службу, участвуя в отражении набегов кочевников.

К середине столетия появляются признаки того, что данная территория становится полноценной частью метрополии: это значительный рост посадского населения, развитие поместного и монастырского землевладения с владельческими крестьянами. Большинство жителей южных пограничных уездов в XVII в. являлись представителями различных категорий служилого населения: детьми боярскими, казаками, стрельцами, пушкарями, а с середины века – солдатами, рейтарами, драгунами. Посадские люди, дворцовые и владельческие крестьяне находились здесь в абсолютном меньшинстве и присутствовали далеко не во всех южных уездах.

У части населения приграничных уездов повседневная жизнь протекала в городе-крепости, а у остальной массы – в сельских населенных пунктах. Первые были сильнее подвержены государственному контролю со стороны воевод, приказной избы и городских священников. Вторые – имели гораздо больше личной свободы, их контролировал только младший командный состав в лице десятников, пятидесятников, сотников и, в какой-то мере, местных священников, выступавших в роли духовных отцов своей паствы. Находясь в постоянном контакте со своими односельчанами, представители местной власти вынуждены были учитывать интересы своего местного «мира».

Первопоселенцами на новые южные земли стали «сведенцы» из лежащих дальше к северу городов, которые в XVI в. сами были пограничными: Шацка, Ряжска, Лебедяни, Ельца и др. Однако добровольных переселенцев насчитывалось немного, а основная масса служилых людей набиралась из числа беглых владельческих крестьян и посадских людей. Среди них встречались и бывшие служилые люди разных городов, попавшие в тягло в годы Смутного времени. Об этом говорят многочисленные дела по возврату беглых в 30-50-е годы XVII в. (Мизис, 2015, сс. 37-46).

Особенностью крепостей, расположенных на южнорусской «черте», то есть в зоне фронта, являлось привлечение сюда на службу воинского контингента из соседних северных уездов. Как правило, служилые люди приезжали сюда на срок от 2 до 4 недель с «переменою», т.е. по очереди. Главным аргументом властей в этих решениях служило мнение, что новые военные поселения защищают

старые от прихода кочевников и требуют постоянной поддержки. С учетом недостатка опытных воинов в крепостях по черте правительство использовало уже сложившиеся кадры старых поселений. Так, служилые люди – стрельцы и казаки г. Михайлова – должны были в 1645 г. выставить в Тамбов с 1 мая по 1 ноября каждые шесть недель с «переменою» по 100 человек (РГАДА. Ф. 210. Д. 560, л. 126–128). Подобные посылки происходили из Шацка, Ряжска, Лебедяни. На одно из самых опасных направлений на Муравском шляхе в Яблонов в 1643 г. послали группу в 500 человек так называемых «московских стрельцов» с головою Л. Баландиным (РГАДА. Ф. 210. Д. 170, л. 189–190, 350, 556.). Их планировалось разместить здесь на «вечное житие», однако пришлые казаки тяготились этой пограничной службой, всячески стремились уклониться от нее.

Корпоративные отношения в новых городах-крепостях складывались уже на стадии их строительства. Обратимся к документам о строительстве Ельца в 1592–1593 гг. Здесь мы видим, что возведение крепостных стен требовало больших организованных совместных усилий: деревья валили в лесу, в нескольких километрах от строительного участка, возили на собственных лошадях или переносили на руках, обрабатывали бревна, вкапывали их в землю и прочее (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д, л. 163–163 об.). Такая же ситуация наблюдалась при возведении осенью 1635 г. Козлова и весной 1636 г. Тамбова (Загоровский, 1968, сс. 85–89, 233–239; Мизис, 1990, сс. 26–44). Только небольшая часть строителей новых «городов» осталась в них на постоянную службу, основную часть гарнизона набирали из «вольных и охочих» людей. В дальнейшем эксплуатация городских укреплений требовала постоянного участия городского и уездного гарнизона в строительных работах. Коллективные усилия были нужны и в частных вопросах, когда речь шла о постройке собственных домов, их размещении и укреплении за стеной, огораживающей слободы, строительстве церковных зданий.

Зачастую приезжие на временную или переведенные на постоянную службу в новые города служилые люди не находили общего языка с уже сложившимся местным гарнизоном. К примеру, посланные в 1643 г. на службу в Яблонов 500 так называемых «московских стрельцов», которых реально набрали из разных замосковских городов, вступили в серьезный конфликт с местными служилыми людьми (РГАДА. Ф. 210. Д. 179, л. 334–335; Д. 556. л. 28, 31, 35). По приезду на новое место службы они получили деньги на строительство жилья и жалование. Но воевода Р.Ф. Боборыкин выяснил, что спустя несколько лет никаких дворов они так и не завели, жилья

не построили, семьи в Яблонов не перевели, а полученные деньги пропили и проиграли в кости (зернь) (Мизис, 2012, сс. 119).

Московские стрельцы выразили недовольство их посылкой в степь на опасную службу. Лишь настоятельная просьба местных сотников И. Короткого и Ф. Неудачина дать им возможность выявить наличие татарских дорог в степи – сакм на Кальмиусском шляхе, – заставила стрельцов подчиниться и выполнить воеводское задание. В результате 10 ноября 1644 г. отряд обнаружил 2 татарских стана и в непродолжительном бою разгромил противника. По возвращению обратно яблоновские казаки отметили непрофессионализм «московских стрельцов», неумение тихо и бесшумно ходить по степи, отсутствие навыков пешего боя, – и просили начальство больше их не использовать в таких походах. К 1644 г. в Яблонове осталось только 141 человек из отряда московских стрельцов, остальные сбежали со службы. Вместо них воевода набрал добровольцев. Эта история показала неэффективность метода пополнения гарнизонов южнорусских уездов путем насильственного переселения и ссылки. Свободный наем оставался самым перспективным способом формирования местных служилых людей.

На Юге России особенно ярко проявлялись патерналистские традиции верховной власти в реальной службе новобранцев «по прибору». Считая себя военными холопами русского царя, служилые люди в экстремальных ситуациях позволяли себе обращаться с просьбами о помощи на государево имя. Например, ряшанин С.И. Германов в своей челобитной на царское имя перечислял свои подвиги и материальные потери (РГАДА. Ф. 210. Д. 560, л. 184). Он в 1642 г. находился на государственной службе в Козлове и принял участие в походе на татар под руководством головы С. Ушакина. На р. Татарке во время боя с противником убил татарина, но потерял коня. В 1645 г. во время похода и боя с противником на р. Токае он снова сумел убить татарина, что дало повод попросить увеличить поместный оклад землею и деньгами, а также компенсировать потерю лошади. Подобных просьб только за битву на р. Токае было несколько (РГАДА. Ф. 210. Д. 560, л. 184). Такие формы обращений к царю за помощью при экстремальных ситуациях являлись обычной практикой.

Отличившихся в боях служилых людей, как правило, отмечали особо. Головы за победу получили по 5 руб. жалования и по «доброму сукну». За каждого убитого врага служилый человек получал 1 руб., а за двух – прибавку к окладу в 50 четвертей земли. За ранение в бою детям боярским полагалось 50 четвертей земли и 2–3 руб. 18 декабря

1637 г. по «государеву указу» отличившимся воеводам, служилые люди которых возьмут 60 – 70 «языков», полагалась награда в виде золотого размером в два «угорских» (венгерских), за меньшее количество – 1,5 «угорских»¹. Таким образом правительство пыталось стимулировать активные действия воевод по отражению татарских набегов.

Интересно отметить, что служилый человек на Юге России отличался большой набожностью, поскольку находился в постоянной опасности. Известно, что, оказываясь в плену, многие давали специальный обет Богу: если им удастся бежать, то они непременно внесут в церковь большой вклад в виде иконы или каких-то пожертвований. Возвращаясь в родные места, эти люди оказывались в трудном материальном положении, и, чтобы выполнить данный Богу обет, обращались с просьбой к царю. В ответ на такие челобитные Разрядный приказ, как правило, выделял деньги бывшему пленнику на реализацию его обещания. Эти указы поддерживали идею патерналистических отношений царя и народа, приводили к сакрализации царской власти, способной решить проблемы простых людей, поднимали самосознание рядовых служилых людей как верных холопов своего государя.

Общие трудности, возникавшие у жителей пограничных городов-крепостей, способствовали выработке эффективного способа организации пространства. Крепость являлась единым сообществом, состоящим из небольших служилых групп, имевших некоторую самостоятельность в решении своих внутренних дел. При этом воевода выступал арбитром в различных спорах, связанных не только с военной, но и с бытовой стороной жизни. Для жителей крепости были характерны такие поведенческие модели, как коллективизм, самоорганизация, самодисциплина, отсутствие четких границ между личной (частной) и общественной жизнью. Эти модели помогали выработать особенную интегративную деятельность, с помощью которой местное общество успешно осваивало новое природное пространство в условиях военных действий. Результатом этого процесса было вынужденное объединение людей для ведения хозяйственной деятельности и организации обороны своей территории (Ляпин, 2014; Ляпин, 2019, сс. 599–612).

Основные поведенческие модели служилых людей были связаны, прежде всего, с военной службой, в контексте которой функционировала структура их повседневной жизни. Здесь коллективные формы поведения играли важную роль, подтверждением чему может служить

1 На Руси в XVII в. существовала практика награждения особо отличившихся в сражениях специально отчеканенной монетой. В данном случае речь шла о награде размером с венгерскую монету, известную населению благодаря международной торговле. Впоследствии такая награда стала прообразом русской медали.

существовавшая система поручительств. Изучение поручительств поможет понять специфику поведения жителей крепости Юга России (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 1-4; Глазьев, 1991).

Поручительства хорошо отражают особенности формальной социальной организации служилого населения на раннем этапе существования крепости. Как мы уже говорили, в каждой слободе проживала своя служилая сотня; поручителями выступали обычно члены того десятка, в который поступал новобранец, т.е. это были его соседи. Прием новобранца происходил в Съезжей избе крепости. Кроме желающего послужить государю сюда являлись его поручители, стрелецкий или казачий голова, а также послух (свидетель со стороны). Только в присутствии всех этих лиц составлялась поручная запись. Интересно, что писал ее текст не официальный служащий местной канцелярии, а кто-либо из местных жителей.

Социальное происхождение и какие-либо личные характеристики (храбрость, военные навыки) в поручных записях не указывались. Важен был сам факт поручительства представителей служилого сообщества за новобранца, но поступить в службу без поручительства было невозможно. В каждой поручной записи особо подчеркивалось, что поручители согласны служить с новым человеком «в ряд с пищалью» («в ряд» означает – на одних общих условиях) и жить с ним в одной слободе.

Наказание для поручителей, если служилый человек все же совершит преступление, четко не определялось, и обычно об этом говорилось в поручной записи пространно: «на нас поручителей пенять, а будет, так как государь укажет, а наши поручиковы головы во его голову место» или «а на нас на поручниках пеня, а пени что государь укажет» (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 1, л. 1).

Поручные записи были необходимы при формировании формальных способов социальной организации служилого населения, коллективной ответственности. Все служилые люди крепости делились на группы: десятки, полусотни, сотни. Над каждой группой был свой командир (десятник, пятидесятник, сотник), отвечавший за своих подчиненных не только в момент военных действий, но и в мирное время. Во главе городских казаков и стрельцов стояли казачьи и стрелецкие головы. Пушкари, затинчики и воротники, которых было немного, иногда напрямую подчинялись воеводе, но в иных случаях у них также были свои головы. Головы выступали достаточно самостоятельной административной силой, выбираемой на более длительное время, чем воеводы. Каждой группе населения отводились места проживания (слободы), районы для выпаса скота и участки

под пашню. В слободе находилось примерно сто дворов, при этом она делилась на две полусотни, включавшие в свой состав по десять дворов, т. е. слобода повторяла структуру войска.

Итак, с момента постройки новой крепости повседневная жизнь служилого человека проходила в рамках существующих способов социальной организации. Представители типичного традиционного общества, русские люди отождествляли себя с различными «горизонтальными группами» своей страны, начиная от семьи и соседей, равных им по социальному статусу, до «православных христиан», «всей земли», в самом широком смысле (Kivelson, 2002, pp. 470–471).

Говоря о том, что служилое сообщество крепости было включено в целую систему формальных и неформальных форм социальной организации, мы должны помнить, что подобные объединения возникают тогда, когда достижение индивидуальных целей невозможно самостоятельно, а поэтому осуществляется через выдвигание и достижение общих целей. Общинное начало, характерное для жителей крепости и уезда на раннем этапе существования, было вызвано практической необходимостью для первопоселенцев и не являлось неким братским союзом.

Именно это обстоятельство предопределило быстрое разрушение коллективного начала служилого сообщества во второй половине XVII в., хотя формальные структуры социальной организации, конечно, сохранились и менялись в зависимости от проводимых военных и социальных преобразований. Кроме того, в крепостях неуклонно росла численность населения, усложнялся социальный состав местного сообщества, изменялись интересы и направление деятельности простых людей. В итоге коллективные формы поведения уступали место индивидуальным, которые теперь определяли специфику организации обыденной жизни. Складывался принципиально новый образ взаимодействия человека с окружающим его социальным пространством. Рассмотрим несколько типичных примеров, иллюстрирующих новые реалии того времени.

Уже к середине XVII в. в крепостях Юга России появились группы ростовщиков, выдававшие деньги в долг. Они становились объектами ненависти значительного числа горожан и в период социальных волнений первыми подвергались насилию. Это наглядно проявилось во время народных волнений в Козлове летом 1648 г. Мятежники, изгнав своего воеводу Р.Ф. Боборыкина, начали громить и грабить лавки, дома ненавистных ростовщиков, избивать «лутчших» людей, срывать с них дорогую одежду, отбирать наличные деньги. Они требовали от всех жителей города проявить корпоративную солидарность

и присоединиться к бунту. В Челнавском остроге Козловского уезда восставшие избили стрелецкого голову Я. Шатилова, пятидесятников Т.Г. Ряшанина, И.И. Фирсова и священника Симиона. Именно эти люди в представлении восставших олицетворяли ненавистную власть. А стрельца-ростовщика Т. Чубулова за то, что «он мир выел», убили «всем миром» и труп сбросили в ров (Ляпин, 2018, сс. 106–111).

Переселение массы молодых инициативных людей на южные границы приводило к росту девиантного поведения. Сказывался и воздух определенной свободы, носившийся на границе, в отличие от старых уездов со сложившейся государственной и социальной структурой контроля. Отсутствие традиций и старших возрастов в городской и сельской общине служилых людей в какой-то мере способствовали снижению моральных норм и проявлению уголовных тенденций у отдельных переселенцев. На южную окраину отправляли лиц, совершивших различного рода преступления. В 1644 г. местный воевода Р.Ф. Боборыкин описал тюремных сидельцев в Яблонове (РГАДА. Ф. 210. Д. 198, л. 65–66). Здесь сидели местные служилые люди, обвиненные в убийстве своего товарища, другие – за оскорбление царя. В 1644 г. жители Коломны просили сослать на вечное «житие» посадского человека А. Бичевина «со товарищами» за различные прегрешения. Подобные явления были характерны для многих городов юга России, «опальные» люди привносили в местные сельские общины негативные традиции прежней жизни.

Так, в 1669 г. воронежец Лавр Яковлев подал жалобу на стрелецкого сына Ивана Бобасветова, обвинив его в том, что Иван, придя к нему на двор, «женишку безчестил всякою своею неподобною бранью и плат на голове у женишки ободрал и серьгу из уха выбил и за косы волочил». (РГАДА. Ф. 210. Д. 135, л. 2). При этом истец не указывает причину такого агрессивного поведения своего обидчика, а следствие не пытается ее понять. За ущерб, нанесенный жене, Яковлев просил рубль компенсации (сюда входили: бесчестье, порванный платок и серьги).

В июне 1667 г. в праздник Троицы во двор воронежского полкового казака Сергея Полухина пришел беломестный казак Панфил Крыластов (РГАДА. Ф. 210. Д. 105, л. 13). В своей челобитной Полухин, ничего не упоминая о конфликте, ссоре или иной причине случившего, писал: «и учел меня всякими неподобными словами бранити и женишку мою учел бить и серьги из ушей выбил, а затем взял женишку мою переволок чрез воротню и по улице за волосы волочил». (РГАДА. Ф. 210. Д. 105, л. 13). Истец требовал 2 руб. за серьги и еще денег, на усмотрение воеводы, за бесчестье жены.

8 сентября 1677 г. воронежский стрелец Яков Кучин подал жалобу на воронежского стрельца Агапа Кулигина, который еще год назад якобы избил его «при многих людях» и при этом «мать бранил матерно». (РГАДА. Ф. 210. Д. 479, л. 2–5). Кулигин называл все эти обвинения «поклепом» и рассказывал совсем иную историю: дескать, драка произошла между драгуном Костёнского острога Агапом Фетисовым и Яковом Кучиным, а он начал их разнимать, и тогда Яков грозил ему при людях: «я де у тебя бороду то выдрю!» (РГАДА. Ф. 210. Д. 479, л. 3). Подобные обещания были большим оскорблением для человека допетровской Руси, у которого борода, как известно, была в большом почете. Но, так или иначе, спорное дело кончилось ничем. И вновь мы видим, что причины драки следствие не заинтересовали.

В декабре 1677 г. воронежский стрелец Якун Кочин поссорился с драгуном Карпом Копытиным. Вместе они ночевали на дворе у попа Артемия в Костёнке (крепости к югу от Воронежа), когда вдруг поздно вечером Кочин «учел его Карпа бранить матерны всякую бранью при сторонних людях при воронежцах». Ссора была незначительной, но, ругаясь, Кочин поминал чертей, дьявола и не скупился на нецензурную брань. Тогда поп Артемий тут же «Якушку сослал с двора» ночевать на улице. Кочин был очень оскорблен этим. Считая Копытина виновником произошедшего, он дождался его на дороге и затеял драку, в ходе которой нанес обидчику ножевое ранение, оказавшееся смертельным. (ГАВО. Ф. И–182. Оп. 3. Д. 452, л. 1–3). Убийца раскаивался в совершенном преступлении, ссылаясь на свою излишнюю горячность.

В декабре 1648 г. в Яблонове рассматривалось дело о побоях, нанесенных сыну боярскому Ивану Стрельникову казаком Петром Капустинным (ОР РГБ. Ф. 204. Оп. 7. Д. 3, л. 1–7). На суде Стрельников рассказывал, как Капустин поругался на улице с его женой, отнял у нее 5 руб. и «вдарил». Интересно, что жаловался на казака и Арсений Стрельников, однофамилец или родственник пострадавшего. Он писал в своей челобитной, что Капустин избил на улице его престарелых родителей, и требовал с него платы за это явное бесчестье. Оба дела закончились всеобщим примирением сторон и уплатой необходимых в таких делах «судных пошлин».

В апреле 1678 г. в Воронежском уезде жители села Гремячье избили и ограбили двух воронежских стрельцов (ГАВО. Ф. И. 182. Оп. 4. Д. 489, л. 1–4). В ограблении участвовала только часть жителей во главе с местным помещиком Данилой Черным. Он рассказал своим соседям, что стрельцы когда-то избили его отца, и призывал их рассматривать этот коллективный грабеж как справедливое возмездие.

Однако стрельцам удалось отбиться и забраться на колокольню местной церкви, где они принялись звонить в колокол. На звон сбежались местные жители, но убедившись, что никакой большой беды не произошло (а их соседи всего лишь хотят проучить воронежских стрельцов), разошлись. В итоге воронежцев поймали, связали и заперли в чьей-то избе, но утром их все-таки отпустили восвояси (Мизис, 2017, с. 201).

Крупное следственное дело провели в Козлове по челобитной сына боярского Трифона Картавцева, который жаловался на разбой и поджог усадьбы. (РГАДА. Ф. 210. Д. 1318). События разыгрались 5 апреля 1691 г. в с. Стаево Козловского уезда в доме сына боярского Исаия Попова, где находились его родственники и работник Елистрат Павлов. К нему в гости приехал сын боярский Трифон Картавцев. Возвращаясь домой, он был ограблен: у него отобрали двух коней и жеребенка. Тот подал челобитную воеводе с требованием сыска.

Оказалось, что конфликт разгорелся еще два года назад 29 апреля 1689 г., когда Самойла Попов, отец Исаия Попова, вместе с большой компанией ходил в гости к Т. Картавцеву отмечать Пасху. Встреча закончилась взаимной руганью и оскорблениями. Хозяин дома бил гостя батогами и руками по щекам, а затем стрелял из пиццали ему в след. В ответ Самойла Попов хвалился убить Т. Картавцева и сжечь его дом. Спустя пять дней после этой встречи, когда Т. Картавцев уехал со двора, у него на самом деле случился пожар и сгорели дом с двумя горницами, конюшня, житница и скот на общую сумму 257,5 рублей. Т. Картавцев подробно описал потерю своих наиболее ценных вещей: 5 оловянных блюд, 2 оловянных крышки, медная братина, медный таз, два пистоля и много других медных и железных предметов еще на сумму 21 руб. (РГАДА. Ф. 210. Д. 1318, л. 51-52). Его жена и дети чудом спаслись.

Попытка найти всех обвиняемых в поджоге не удалась. К следствию привлекли только Исаия Попова, его отца, мать и жену. Остальные сбежали в неизвестном направлении. Так, работника Елистрата Павлова обнаружили в козловском Троицком монастыре, где он скрывался. При очной ставке в козловской Приказной избе он сказался бывшим неверстанным сыном боярским, который служил городовую службу в Козлове, а затем от «скудости» передал отцовское имение Исаю Попову и стал добровольным работником в их семье.

Это дело имело продолжение. 9 февраля 1692 г. группа детей боярских из с. Стаева привезла в козловскую Приказную избу своего односельчанина Максима Федорова, который украл бердыш во время пожара у Т. Картавцева. Чем закончилось это следствие, неизвестно;

скорее всего, дело передали в Московские приказы. Однако рассмотренный нами эпизод является показательным для конца XVII в., времени, когда былого единства внутри служилого населения крепости уже не стало. Для местного «мира» были характерны частые конфликты, связанные с имущественным неравенством и личными амбициями. Подобного рода спорных дел во второй половине XVII в. было очень много, все они однотипны и нет необходимости рассматривать их в рамках этой статьи.

Важнейшую роль в социально-экономической истории крепостей второй половины XVII в. стали играть посадские люди. Первоначально посадское население фронтальной территории уступало по численности служилому, а в большинстве крепостей отсутствовало вовсе. Однако после реформ 1646–1648 гг. посадские люди получили преимущество в торговле, а служилые люди со временем лишились права заниматься этим занятием. В 1648–1652 гг. была проведена большая работа по организации замкнутых посадских общин («посадское строение»), в результате численность посадского населения в южных крепостях значительно возросла, так как в посад вписывали всех людей без определенного статуса, родственников служилых людей, не служивших, а занимавшихся торговлей (Смирнов, 1947, сс. 499–502).

Однако на самой черте за весь XVII в. посадские люди появились только в нескольких крепостях Юга России. Сами посадские общины были небольшими и мало влияли на городскую жизнь, где доминировали служилые люди. При этом в большинстве городов по Белгородской и Тамбовской чертам корпорациям местных служилых людей удавалось сохранять свои привилегии в торговом деле, в том числе права на лавочную и другие формы торгов (Мизис, 2006, сс. 368–409). Формы поведения посадских людей определялись стремлением к богатству, враждой и конфликтами (Кондратьева, 2007, сс. 131–133). Это особенно наглядно проявлялось в круговой тягловой поручке, когда государство собирало налоги не индивидуально с каждого торговца, а сразу со всего посада. В итоге община всеми способами заставляла малоимущих жителей выходить из посада, продавать или закладывать свои дворы. Чтобы разорить мелких торговцев и заставить их покинуть посад, мирской сход разрешал пристраивать вплотную к их лавкам другие, где люди со стороны торговали тем же товаром по низкой цене. Одновременно с этим община всячески заманивала на свои земли обеспеченных свободных людей, вместе с которыми было выгоднее платить общий налог.

Конкуренция среди ремесленников и торговцев вынуждала их идти на различные хитрости и уловки, чтобы навредить друг другу. Приведем несколько примеров. Обычно для поездок на Дон торговцы объединялись в группы по 5–7 человек, так как в Степи в одиночку было очень опасно. Эти люди вместе грузили товар на будары и струги и следовали вниз по рекам Дону, Воронежу или Медведице в земли донских казаков. Разбойные ватаги и небольшие татарские отряды опасались нападать на крупные караваны, но они упорно шли следом, ожидая, что кто-то из торговцев отстанет от своих товарищей, и тогда на него можно будет напасть. Случалось, однако, что посадские люди заранее сообщали разбойникам про отправку каравана и, якобы случайно, отставали от своих товарищей, которые подвергались внезапному разорению. Другие торговцы специально допускали разграбление своего товара по уговору с разбойниками, которые заодно грабили и их коллег. Так, например, случилось в 1691 г. с торговыми людьми из Острогожска (ГАВО. Ф. И–182. Оп. 3. Д. 14).

Посадская община была эффективным способом социальной организации торговцев и ремесленников, регулируя отношения в их среде. Формы поведения ее жителей были прагматичны: они разоряли и выживали одних членов посада и не позволяли покидать свои дворы другим. Такой подход давал позитивные результаты: посад со временем все больше богател и развивался, а к концу XVII в. существовали уже целые династии посадских людей.

ВЫВОДЫ

Таким образом, основные поведенческие модели жителей Юга России на протяжении всего XVII в. изменялись под воздействием внешних факторов и, прежде всего, процесса урбанизации фронтальной территории, а также изменения статуса служилых людей. Какая-то часть местных гарнизонов предназначалась для защиты укреплений, другие участвовали в различных военных походах. Отступление границы на юг создавало обстоятельства, благоприятные для развития торговли и ремесел, промыслов и сельского хозяйства; со временем отпадала необходимость в совместной интегративной деятельности. У ряда служилых людей скапливались определенные капиталы, дорогое имущество, так увеличивалось имущественное расслоение. С ростом неслужилого населения крепости все больше превращались в города, становились развитыми торгово-ремесленными центрами, их военная функция уходила в прошлое. Служилые люди после реформ 1648–1652 гг. были вынуждены записы-

ваться в посад, чтобы заниматься торговлей и ремеслами, значительно пополняя численность торгового населения.

Социальные изменения были закономерно связаны и с переменами в поведенческих моделях жителей крепости: если на раннем этапе своего существования крепость состояла из единой массы служилого населения, то вторая половина XVII в. проходит под знаком постепенного разрушения этого единства. Теперь, несмотря на то, что социальные организации местного общества существенно не изменились, поведенческие модели под воздействием новых реалий определялись уже иными факторами: стремлением к личной выгоде, материальному достатку, индивидуальным благам. Отчасти это было связано с общим ростом численности населения, а также с формированием социальной группы посадских людей и усилением их влияния в городах-крепостях.

Изменение поведенческих моделей жителей крепости в контексте развития фронтальной территории наглядно демонстрирует те важные перемены, которые происходили в социальной истории этого региона на протяжении всего XVII в. На наш взгляд, изучение прошлого фронтальной территории в русле социальной истории открывает новые возможности для понимания феномена пространства пограничного мира.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00 024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Список литературы

- Davies, B. L. (2004). *State Power and community in early modern Russia/ The Case of Kozlov. 1635 – 1649*. Printed and bound in Great Britain by Antony Rowe Ltd, Chippenham and Eastbourne.
- Kivelson, V. (1996). *Autocracy in the Provinces: The Muscovite gentry and political culture in the seventeenth century*. Stanford: Stanford University Press.
- Kivelson, Valerie. (2002). Muscovite “Citizenship”: Rights without Freedom. *The Journal of Modern History*, 74(3), 465–489. doi: 10.1086/345 109
- Глазьев, В. Н. (1991). Поручная запись воронежских стрельцов (начало XVII в.). *Советские архивы*, (5), 94–95.
- Глазьев, В. Н. (2018). *Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI – XVII веках*. Воронеж: Издательский дом Воронежского государственного университета.

- Государственный архив Воронежской области (ГАВО). (б. д.). *Ф. И-182. Оп. 3. Д. 14, 452; Оп. 4. Д. 1, 2, 3, 4, 489.*
- Енин, Г. П. (2000). *Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти)*. Санкт-Петербург: Издательство Российской национальной библиотеки.
- Жиров, Н. А. (2019а). «Ввозная грамота» елецких помещиков Манаенковых. *История: факты и символы*, (3), 130–132.
- Жиров, Н. А. (2019б). Сельский «мир» и хозяйственное освоение территории Верхнего Подонья в начале XVII в. *Вопросы истории*, (8), 147–156. doi: 10.31166/VoprosyIstorii201908Statyi18
- Загоровский, В. П. (1968). *Белгородская черта*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета.
- Камараули, Е. В. (2018). Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (На примере Воронежского уезда. *История: Факты и Символы*, (3), 97–105. doi: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-97-105
- Коллманн, Н. (2001). *Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени* (А. Б. Каменский, Пер.). Москва: Древлехранилище.
- Коллманн, Н., & Прудовский, П. И. (2016). *Преступление и наказание в России раннего Нового времени*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Кондратьева, С. К. (2007). Повседневная жизнь посадских людей в Воронеже в XVII в. В *На берегах Быстрой Сосны: Сборник статей* (с. 131–133). Ливны: Издательство Ливенского городского краеведческого музея.
- Ляпин, Д. А. (2016). От крепостей к городам: Повседневно-бытовые и поведенческие модели населения южнорусской крепости конца XVI в. *История: Факты и символы*, (2), 9–16.
- Ляпин, Д. А. (2018). *Царский меч: Социально-политическая борьба в России в середине XVII в.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Ляпин, Д. А., & Пальчикова, А. С. (2014). Восприятие провинциальным дворянством южных уездов политической борьбы в России в 1604 – 1613 годах (на примере Елецкого уезда). *Российская история*, (6), 99–104.
- Мизис, Ю. А. (1990). *Заселение Тамбовского края в XVII—XVIII веках*. Тамбов: Издательство ТГПИ.
- Мизис, Ю. А. (2006). *Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв.* Тамбов: Юлиус.
- Мизис, Ю. А. (2015). Поиски беглецов на южной границе России в 30-40-х гг. XVII в. (На примере Козловского уезда). *Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки*, 20(10), 37–46. doi: 10.20310/1810-0201-2015-20-10-37-46
- Мизис, Ю. А. (2017). Особенности формирования социальной психологии населения юга Русского государства в XVII веке. В *Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5: Материалы V Чтений памяти академика РАН Л. В. Милова*.

Материалы междунар. Научной конф. Москва 9—10 ноября 2017 г. (с. 199–202).
Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова.

Мизис, Ю. А., & Папков, А. И. (2016). Внешние и внутренние границы России и естественные природные зоны на юге в XVI – начале XVIII в. *Российская история*, (3), 33–49.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). (б. д.). Ф. 204.
Оп. 7. Д. 3.

Резун, Д. Я., & Шиловский, М. В. (2005). *Сибирь, конец XVI - начало XX века: Фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов*. Новосибирск: Сова.

Репина, Л. П. (2009). *Новая историческая наука и социальная история*. Москва: Издательство ЛКИ.

Российский государственный архив Древних актов (РГАДА). (б. д.). Ф. 210. *Столбцы Приказного стола. Д. 556, 560, 1318; Столбцы Белгородского стола. Д. 179, 198, 479.*

Смирнов, П. П. (1947). *Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в* (Т. 2).
Москва-Ленинград: Издательство АН СССР.

Ходарковский, М. (2019). *Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя 1500 – 1800*. Москва: Новое литературное обозрение.

References

Davies, B. L. (2004). *State Power and community in early modern Russia/ The Case of Kozlov. 1635 – 1649*. Printed and bound in Great Britain by Antony Rowe Ltd, Chippenham and Eastbourne.

Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RSL). (n. d.). F. 204. Оп. 7. Д. 3..
(In Russian).

Enin, G. P. (2000). *Voivodship feeding in Russia in the 17th century (maintenance by the population of the county of the state authority)*. St. Petersburg. Publishing house of the Russian National Library.. (In Russian).

Glazyev, V. N. (1991). Hand-written recording of Voronezh archers (beginning of the 17th century). *Sovetskie arkhivy*, (5), 94–95. (In Russian).

Glazyev, V. N. (2018). *Essays on the history of the city of Voronezh and the Voronezh district at the end of the 16th - 17th centuries*. Voronezh. Voronezh State University Publishing House. (In Russian).

Kamarauli, E. V (2018). Formation of the settlement structure in the southern districts of Russia in the first half of the 17th century. (on the example of Voronezh district). *History: Facts and Symbols*, (3), 97–105. doi: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-97-105 (In Russian).

Khodarkovsky, M. (2019). *Russia's steppe frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500 - 1800*. Moscow: New literary review. (In Russian).

- Kivelson, V. (1996). *Autocracy in the Provinces: The Muscovite gentry and political culture in the seventeenth century*. Stanford: Stanford University Press.
- Kivelson, Valerie. (2002). Muscovite “Citizenship”: Rights without Freedom. *The Journal of Modern History*, 74(3), 465–489. doi: 10.1086/345109
- Kollmann, N. (2001). *United by Honor. The State and Society in Early Modern Russia* (A. B. Kamensky, Trans.). Moscow: Drevlekhranilische. (In Russian).
- Kollmann, N., & Prudovsky, P. I. (2016). *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Moscow: New Literary Review. (In Russian).
- Kondratyeva, S. K. (2007). Everyday life of the townspeople in Voronezh in the 17th century. In *On the banks of the Bystry Sosna* (pp. 131–133). Livny: Publishing house of the Livny City Museum of Local Lore. (In Russian).
- Lyapin, D. A. (2016). From fortresses to towns: everyday-household and behavioral models of the population of a southern Russian fortress at the end of the 16th century. *History: Facts and Symbols*, (2), 9–16. (In Russian).
- Lyapin, D. A. (2018). *The Tsar’s Sword: Socio-Political Struggle in Russia in the Middle of the 17th Century*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. (In Russian).
- Lyapin, D. A., & Palchikova, A. S. (2014). Perception by the provincial nobility of the southern districts of the political struggle in Russia in 1604-1613 (on the example of the Yeletsky district). *Russian history*, (6), 99–104. (In Russian).
- Mizis, Yu. A. (1990). *Settlement of the Tambov Territory in the 17th – 18th centuries*. Tambov: Publishing house of TGPI. (In Russian).
- Mizis, Yu. A. (2006). *Formation of the market of the Central Black Earth Region in the second half of the 17th - first half of the 18th centuries*. Tambov: Julius. (In Russian).
- Mizis, Yu. A. (2015). The search for fugitives on the southern border of Russia in the 30-40s. XVII century (on the example of Kozlovsky district). *Bulletin of Tambov University. Humanities Series*, 20(10), 37–46. doi: 10.20310/1810-0201-2015-20-10-37-46 (In Russian).
- Mizis, Yu. A. (2017). Features of the formation of social psychology of the population of the south of the Russian state in the 17th century. In *Rus, Russia: The Middle Ages and the New Time. Issue 5: Materials of the V Readings in memory of Academician L.V. Milov. Materials of the international scientific conf. Moscow 9-10 November 2017* (pp. 199–202). Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russian).
- Mizis, Yu. A., & Papkov, A. I. (2016). External and internal borders of Russia and natural natural zones in the south in the 16th - early 18th centuries. *Russian History* (3), 33–49. (In Russian).
- Repina, L. P. (2009). *New historical science and social history*. Moscow: LKI Publishing House (In Russian).
- Rezun, D. Ya., & Shilovsky, M. V. (2005). *Siberia, late 16th - early 20th centuries: frontier in the context of ethnosocial and ethnocultural processes*. Novosibirsk: Owl (In Russian).
- Russian State Archives of Ancient Acts (RGADA). (n. d.). F. 210. Columns of the Order table. D. 556, 560, 1318; Columns of the Belgorod table. D. 179, 198, 479. (In Russian).

- Smirnov, P. P. (1947). *Posad people and their class struggle until the middle of the 17th century* (Vol. 2). Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russian).
- State Archives of the Voronezh Region (GAVO). (n. d.). F. I-182. Op. 3.D. 14, 452; Op. 4.D.1, 2, 3, 4, 489. (In Russian).
- Zagorovskii, V. P. (1968). *Belgorodskaya cherta [Belgorod line]*. Voronezh: VSU Publishing House. (In Russian).
- Zhirov, N. A. (2019). "Import certificate" of the Yelets landlords Manaenkov. *History: Facts and Symbols*, (3), 130–132. (In Russian).
- Zhirov, N. A. (2019b). Rural "world" and economic development of the territory of the Upper Don region at the beginning of the 17th century. *History questions*, (8), 147–156. doi: 10.31166/VoprosyIstorii201908Statyi18 (In Russian).